

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ – ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I

Аннотация. В статье рассмотрено наследие В. И. Даля, касающееся исследований русской народной культуры и мировоззрения, начатых им в эпоху Николая I. Показано, что идеи Даля позволяют более четко исследовать основные компоненты традиционного народного мировоззрения. Концепция Даля также имеет прогностическое значение до настоящего времени, поскольку в ней сформулированы принципы усвоения народом новых культурных явлений. Игнорирование этих принципов в бездумной погоне за внешним «прогрессом» привело к катастрофам XX в., поскольку разрушило традиционный уклад жизни народа и его нравственные основания. Концептуализация В. И. Далем мировоззрения русского народа является важной частью истории русской гуманитарной науки и требует развития в наше время.

Ключевые слова: В. И. Даль, народ, мировоззрение, Православие, культура.

Ссылка при цитировании: Даренская В. Н. Владимир Иванович Даль – первооткрыватель народной культуры в эпоху Николая I // Традиции и современность. 2024. № 38. С. 40–54

Даренская Вера Николаевна (Darenskaja Vera Nikolaevna) – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики Луганского государственного университета имени Владимира Даля, эл. почта: vera.darenskaya@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2024. № 38. С. 40–54

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 39,393; ББК – 72.3/82.3 (2Рос=Рус); <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2024-38/40-54>

Нет надежды крепче, как на Бога,
на Государя, да на верный штык.

В. И. Даль

Сколько я ни знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней Православие...

В. И. Даль

Эпоха Николая I, кроме многих других выдающихся достижений, была также и великой эпохой в изучении русского народа. Как известно, народ стал предметом особого внимания у романтиков, которые изучали и осваивали его художественные традиции, обычаи и язык. Особенностью России было то, что изучение и художественное освоение народной культуры у нас проходило уже не столько в традициях романтизма, сколько уже на основе своего русского мировоззрения, которое можно назвать православным реализмом. В России тоже собирали народный фольклор (П. Киреевский, М. Максимович и др.), но *освоение народного мировоззрения происходило без принципа дистанции и любования, как у романтиков, а как продолжение народного творчества и мировоззрения*. Классическим образцом этого является «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и проза В. И. Даля. Хотя В. И. Даль принял Православие только в конце жизни, а до этого оставался лютеранином, как и его отец-датчанин, его «этнографическая проза» написана от лица народного мировоззрения. Его сборники для народного чтения «Солдатские досуги» (1843) и «Матросские досуги» (1853), как отмечают исследователи, написаны языком народа и глубоко народны по духу (Юган 2009).

Исследователь этой темы А. Л. Фокеев определяет В. И. Даля как «родоначальника этнографического направления в русском литературном процессе XIX века» (Фокеев 2004а). Уже пишут о «школе В. И. Даля» в русской литературе 1840–1870-х годов (Соколова 2016), и появление этой «школы» связывают с образованием в 1845 г. Русского географического общества, в которое входил и В. И. Даль как один из его основателей и которое определило небывалый «взлет» народоведческих исследований. Литературная известность пришла к В. И. Далю сразу после публикации его повести «Цыганка» в 1830 г., а далее были «Русские сказки. Пяток первый» (1832), «Были и небылицы» (в 4 т.; 1833–1839). Уже в начале 1850-х годов один из ведущих критиков того времени П. В. Анненков в статье «По поводу романов и рассказов из простонародного быта» заявил о сложившейся в русской литературе «очерковой

школе», или «школе Даля», к которой он причислял Д. В. Григоровича, А. Ф. Писемского, П. И. Мельникова-Печерского и др. (Анненков 1854: 103). Как пишет Н. Л. Юган, «этнографическое у В. Даля не только предмет изображения, но и эстетическое свойство произведений. Инонациональные мифопоэтические структуры – легенды и предания, обычаи и обряды – становятся художественно-эстетической основой произведений, определяя их жанровую специфику, основанную на синтезе мифологии и документально-географического описания» (Юган 2015: 79). Кроме того, В. И. Даль был автором ряда ярких публицистических текстов по этой тематике.

Целью данной статьи является общий анализ очерков-исследований В. И. Даля народной культуры как важного феномена развития русской культуры Николаевской эпохи. Целью анализа является выявление сущностных характеристик русской традиционной народной культуры.

Художественные исследования народной жизни, данные в очерках и рассказах В. И. Даля, имеют синтетический характер, объединяя в себе точную фиксацию обычаев и народных характеров с художественным сюжетом, который всегда выстраивается так, чтобы усилить смысловое наполнение той объективной картины народной жизни, которая изображается писателем.

Н. В. Гоголь писал в письме П. А. Плетневу: «каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни» (цит. по: Фесенко 1999: 7). Как справедливо отметил С. А. Фомичев, «художественный потенциал В. И. Даля был гораздо выше пытливого и изощренного этнографизма, в котором Казаку Луганскому в ту пору действительно не было равных и который в реальном развитии русской литературы ее Золотого века приобретал принципиально важное значение» (Фомичев 2001: 111). Отметим, что это был не только потенциал, но и его реальное и многостороннее воплощение. Как отмечает современный исследователь Б. Романов в своей статье с показательным названием «Поэзия Даля», «чем далее уходит, становясь некоей атлантидой, крестьянская Россия, тем нам дороже и интереснее “поэтическая этнография” Даля... своеобразный художнический взгляд, открывавший для читателя малоизвестные стороны русской жизни, выводивший целую вереницу разнообразнейших образов» (Романов 2002: 15).

На самом же деле «этнографическая» проза В. И. Даля вышла далеко за рамки этнографизма, и «натуральной школы»; она весьма близка по своей проблематике и поэтике прозе А. С. Пушкина, особенно «Капитанской дочке». Как и Пушкин, Даль в своей прозе исследовал глубинные нравственные основания русского национального характера. В

свою очередь, это также не было для него самоцелью, но через яркие русские типы он исследовал общечеловеческую мудрость и универсальные законы жизни.

«Сердцевина» народного мировоззрения и психологии хорошо отражена в рассказе В. И. Даля «Святки» – и это естественно, поскольку обычаи этих праздничных дней включают в себя пожелания друг другу благ на весь последующий год и, соответственно, в них очень четко выражены главные ценности, которыми жил народ: «Запели славу, эту передовую святочную песню:

Уж, как слава тебе, Боже, на небеси, слава!
 За святую волю тебе, Боже, слава!
 Уж, как нашему Царю на земле слава!
 Чтобы правда была на Руси, слава!
 Краше солнца светла, слава!
 Его верным слугам не изменяться, слава!
 Его верной рати не изстариваться, слава!
 Его ратным коням не изъезживаться, слава!
 Чтобы царева золота казна, слава!
 Была век полным полна, слава!
 Что большим рекам сверху до моря, слава!
 А мелким речкам, на помол идти, слава!
 А мы песню свою Государю поем, слава!
 Государю поем, ему честь воздаем, слава!

Ну вот, почин сделан, возвеличали батюшку Царя белого, теперь давайте... и не договорила кума, как со всех сторон явились перед нею зажженные лучинки, и мальчики совали ей наперерыв каждый свою» (Даль 2002а: 293). В святочном песнопении мы видим не пожелания благ самим себе, как это свойственно современным эгоцентричным людям, а в первую очередь, славословие Богу, а затем царю как олицетворению целостности всего народа – и поэтому славословие царю фактически является возвеличиванием всего народа, пожеланием ему всяческих благ. При этом материальные блага здесь являются вторичными – они полностью зависят от нравственного состояния народа, а оно, в свою очередь, определяется служением Богу. Символическим обычаем, далее, здесь является и зажигание лучин, которое означает передачу огня добра от всех к каждому. Религиозный аспект мировоззрения в этом рассказе также хорошо показан в следующей реплике: «полно, матка, перебила ее бойкая кума, нешто ты ее судьбу спознала? Судьба-то людская у Бога за пазухой живет, не нам с тобой ее разгадывать!» (Даль 2002а: 292). Как известно, на святки в народе были распространены гадания, которые были явным пережитком язычества. Однако это не означало «двоеверия», поскольку все хорошо знали, что гадание есть грех и оно осуждалось. Гада-

ли молодые девушки на своего «суженого», то есть это было локальным явлением. В то же время взрослые, как мы ясно видим по этой реплике, гадание не только осуждали, но и объясняли, почему оно вредно и бессмысленно – потому что «судьба людская у Бога за пазухой живет», то есть не predetermined заранее.

Очень важны для познания народной психологии тексты В. И. Даля, написанные для простых солдат, поскольку они были рассчитаны именно на народное восприятие. Весьма показателен рассказ «Как солдату, конному и пешему, управляться с неприятелем». Вот начало, зачин этого рассказа: «Все мы под Богом ходим, дышим милосердием и волею Его; и солдат также. Но солдат, который смерть за плечами носит, рука-об-руку с нею ходит, глаз-на-глаз с нею сталкивается и не смигивает – солдату нельзя не помнить Бога и не уповать на Него в каждый час, в каждую минуту. Все мы слуги верноподанные Государя нашего; все мы молим Господа наперед о здравии и многолетии Царя, а там уже о себе; все мы служим ему, кто рукой, кто головой; но солдат, служа грудью и животом, выше других стоит и ближе к Государю своему, который сам нередко на ратном поле благоволит называть солдатушек своих детьми-товарищами» (Даль 2017: 51). В этом обращении к солдату отражена его психология, на которую и рассчитывает Даль. Солдат понимает свою службу не только как военное дело, но и как нравственное служение – Богу и государю. Поэтому ему не страшно умереть, ведь за верную службу и за отдавание живота своего он будет вознагражден вечной радостью в Царствии Небесном. Кроме того, Даль здесь вводит еще один смысловой момент, который простыми солдатами мог и не осознаваться. Он возводит солдата в высшее достоинство, поскольку солдат по своей службе «выше других стоит и ближе к Государю своему». Для лучшего понимания этой мысли Даль напоминает, что царь часто бывает в войсках и на поле боя, тоже рискует своей жизнью и поэтому называет солдат своими «детьми-товарищами». Общий нравственный принцип В. И. Даль формулирует так: «нет надежды крепче, как на Бога, на Государя, да на верный штык» (Даль 2017: 53). Надежда на «верный штык» означает личностное начало – личную храбрость солдата и осознание им своего долга; а надежда на Бога и на государя – это понимание человеком высшего устройства мира и общества.

Каким образом проявлялась эта народная психология, хорошо показано в рассказе «Бунтовщик»: «В одном из селений поселенных войск крестьяне, забыв Бога и царя, помutilись. Как и с чего такая беда стала, долго сказывать, – а только дошло до того, что одна часть осталась верною, и помня при-

сягу, стояла в строю с ружьем, против другой части, где более было пьяных мужиков с дубинами» (Даль 1880: 10). Здесь мы видим отступление части солдат-поселенцев от присяги и нравственного долга: эти отступившие стали уже не солдатами, а «пьяными мужиками с дубинами». Однако на другой стороне остались те, кто верен – и это разделило здесь даже родственников, дядю и племянника: «Дядя, закричал племянник, я царю служу, по вере, правде и присяге: переходи ты к нам, так я тебе опять буду покорный племянник; а нет, так не мечись тут, не подходи – убью!.. с тем вместе приложился и положил дядю-разбойника на месте. Чей грех, того и ответ, сказал он, перекрестился и зарядил ружье» (Даль 1880: 11). В этой истории акцентируется нравственный принцип: долг и присяга должны быть выше естественных родственных чувств, поскольку они основаны на верности самому Богу, перед Которым присяга дается. Таким образом, устанавливается ценностная иерархия, которую народ в целом хорошо понимал. Как известно из исторических событий, в подобных ситуациях бунтовщики, протрезвев, нередко сами каялись и бывали полностью прощены. Описанный же здесь случай, взятый из реальной жизни, был экстремальным и поэтому очень показательным.

Ответственность перед Богом как высший нравственный принцип жизни имеет «встречную» помощь в виде благодати Божией и прямой чудесной помощи людям, которые в ней нуждаются. Это закон жизни, на понимании которого основана народная психология. Он ярко явлен в рассказе-притче «Светлый праздник». Начинается рассказ с поговорки, которая и выражает этот принцип: «Говорят: богатому везде хорошо, а бедному везде худо. Это человеческая поговорка, а божеская: за сиротою сам Бог с калитою» (Даль 2012: 233). В качестве примера этого В. И. Даль рассказывает следующую историю: «жил бедняк, которому Бог-весть отчего не было счастья на хозяйство. Был он не гуляка и не пьяница, а добрый, работающий человек, да не было ему счастья ни в чем. Мало того, что пропала да перевелась вся скотина, что два раза погорел, – а тут еще и хозяйка померла, подкинув ему полную хату детей; и остался он вдовцом, да еще и нищим» (Даль 2012: 234). Люди в селе стали его презирать так, что даже не дали ему зажечь лучину от своего очага (дело было в Малороссии, то есть современной Украине, что весьма показательным и даже имеет пророческий смысл). Он помолился и увидел далеко в поле огонек и пошел к нему. Это оказались чумаки, которые насыпали ему много жара – а когда он вернулся к себе в хату, то оказалось, что эти уголья чудесным образом оказались золотыми червонцами. Когда соседи узнали об этом, то тоже бросились к чумакам, но

от них они получили просто уголья, которые лишь попалили им одежду. А потом чудесным образом исчезли: «Дым, смрад, а чумаков как не бывало, как в землю провалились и возы, и чумаки, и вола, и огонек, – нет ничего» (Даль 2012: 239). Сюжет с таким же смыслом – обличение людской жадности и похвала честной бедности – есть и в русской сказке «Мороз, Красный нос». Разница в том, что в русской сказке действует мифологический персонаж («Дед Мороз»), а малороссийское предание было прямо связано с христианской верой и молитвенным обращением к Богу.

Не менее показателен и записанный В. И. Далем рассказ из жизни «Что легко наживается, то еще легче проживается». В нем идет речь о человеке, который был доволен жизнью, но от скуки ему мечталось еще и разбогатеть: «стал он жаловаться людям на бедность свою и просить у Бога богатства»; «То-то, думал он, зажил бы я! И нищую братию не покинул бы, а призрел бы всякого убогого!» (Даль 1844: 14). Господь ответил на его молитвы – для того, чтобы показать, что не нужно просить того, что человеку не нужно для нормальной и счастливой жизни, в частности богатства. И вот его вызвал градоначальник и сказал: «поезжай в Ростов, оттуда начальство пишет, требует тебя; помер дядя и завещал тебе дом и две лавки и тысячу денег. Сто тысяч – тут не скоро придумаешь, а насчитать столько, а ему говорят: все твое, да еще и дом и две лавки» (Даль 1844: 15).

Однако, получив нечаянно доставшее ему наследство, человек не только не почувствовал себя счастливым, но наоборот, скоро пришел в отчаяние от того, сколько забот обрушилось на его голову. Наконец, начались и главные бедствия: «приказчик пропал, сбежал, спустивши товар на все четыре стороны, да и деньги с собою снес; словом, пошла беда, растворив ворота. Как запьет мой Тимофеич с горя, да мертвую чашу, ударив свою плисовую шапку об землю, так у него все прахом пошло, ровно на ниточке, и горе отлегло от сердца и тужить позабыл. Однако, это плохое средство сбывать заботу, потому что сбудешь ее ненадолго, а разве только накопишь, да еще и в рост пустишь... разбогатеешь горем и нуждой пуще прежнего. Сталась такая притча и над Тимофеичем. И не винокур, говорили насмех ростовцы, а прокурил все! сколько растащили, сколько без счету пропало, сколько от недогляду, а сколько и сам пропустил в ненасытную утробу свою, да распотчевал, угощая весь мир – не знаем мы этого, да, чай, и никто не знает, потому что никто, ниже сам Тимофеич, счетов этих не сводил. Знаем только, что когда бедняк воротился раз мертвецки пьяный в хоромы свои, уснул где-то на полу, покинув свечу, и зажег свой дом, и о да, дом этот сгорел благополуч-

но, то вытащили из него одного только хозяина, и то в оборванном кафтане, а более у него за душой не осталось ничего» (*Даль* 1844: 16). Как пишет Даль, «горько было похмелье бедному Тимофеичу, это правда; но... все-таки он вздохнул вольнее, горько, а на душе легко!»; вновь он счастливо живет, но уже «богатства у Бога не просит» (*Даль* 1844: 16).

Если богатство в народной психологии воспринимается в первую очередь как соблазн, который накликает на человека горе, то выше всего ценится личная отвага человека и самопожертвование ради ближних. Самым ярким примером в этом отношении является яркая история в рассказе «Червоно-русские предания» из сборника «Упырь», изданного в 2009 г. в популярной серии издательства «Азбука-классика». В этом рассказе В. И. Даль записал древнее предание о временах татарских нашествий на юго-западную Русь. Некая молодая женщина, оставшись одна в селе, в которое входили татары, от отчаяния совершила подвиг: «лишена будучи всякой надежды на спасение, она схватила в отчаянии одно из ружей и, намереваясь отомстить за гибель стольких земляков своих и за себя, прицелилась сверху через перила колокольни в татарского вождя, ехавшего наперед и одетого в самое богатое платье: выстрел раздался, и мурза татарский, пораженный пулею насмерть, упал с лошади. Оглядываясь кругом убитого и не видя нигде ни одной живой души, ни даже следа дыма, который в первую минуту при общей тревоге никем не был замечен, татары подхватили убитого предводителя своего, ударили в рога отбой и поспешно от города отступили» (*Даль* 2009: 154). Эта история очень символична, показывая огромную роль личности в истории.

Есть у В. И. Даля рассказы, по своему духу и по парадоксальной нравственной проблематике весьма близкие художественному миру Ф. М. Достоевского. Так, в рассказе «Боярыня» повествуется о женщине, которая фактически обратила в рабство своего сына, держа его дома. В результате он завел тайно сожительницу и внебрачных детей, а затем умер раньше своей матери. Тогда «она окончательно удалилась от света, не снимала печальной одежды, не переступала через порог своей кельи, день и ночь молилась и плакала по сыну. Она поныне уверена, что посвятила всю жизнь свою любимому сыну и что во всех отношениях принесла себя ему на жертву. Ей и в мысли не приходит, что жизнь эта соткалась из какой-то запутанной сети ханжества и неограниченного властолюбия и что, промаявшись восемьдесят лет на свете, она жила только на муку ближних» (*Даль* 2002а: 119). О чем говорит эта история? Она говорит не только о том, насколько пагубно отходить от общих норм жизни, согласно которым человек должен отрываться от родителей

и становиться самостоятельным. В нравственном отношении эта реальная история стала притчей о том, что эгоистическая «любовь» губит человека, даже если это любовь родной матери. Подлинная любовь не эгоистична и дает другому человеку свободу, а не привязывает его к себе.

Кроме того, в этом рассказе затронута и тема искусственной жизни – жизни без труда. Эта тема продолжена и в очень важном для понимания социального сознания народа рассказе «Крестьянка». В нем идет речь о редком случае попадания крестьянской девочки в дворянское сословие через брак. Девочка очень быстро освоила все новые для нее нормы и образованность и уже в 18 лет стала настоящей дворянкой. Однако это не принесло ей счастья. Беседуя на эту тему, она говорит своему собеседнику: «Неужто Вы в самом деле полагаете, что мы, говоря вообще, счастливее их, и что тот, кто уже раз смолodu обжился с бытом крестьянским, будет счастливее, если его перенести в другое, высшее сословие? О, предоставьте мне об этом судить... Если б теперь вдруг объявить старику моему вольную на все четыре стороны, обеспечив при том еще и состояние его, то я не знаю, какое благо могло бы для него из этого выйти. Всем им в новом, непривычном быту их была бы нужна нянька... Всего вероятнее, что он от безделья стал бы пить и что это занятие сделалось бы главной его забавой... пусть же остается полезным человеком. Как крестьянин, он едва ли несчастливее всех прочих крестьян, потому что он домовитый хозяин, нужды и крайности не знает, всегда найдет у меня помощь, почтен и уважен между своими» (*Даль* 2002а: 130). В. И. Даль объясняет устами своей героини, на чем основано это счастье крестьянина, которого его нельзя лишать путем искусственного перехода в другое сословие: «заведывая полным хозяйством своего отца, привыкли, приучились быть хозяйками, а я всегда старалась поселять в них любовь к своему званию и приучала их к прилежанию, опрятности и порядку. Они, даст Бог, не будут знать ни мигреней, ни других причуд и бедствий неестественного быта человеческого. Вы их видели: они здоровы, полны, веселы и довольны... О, ради Бога не думайте, чтоб счастье, как подагра, избирало себе охотнее каменные палаты, чем черную избу!.. Счастье – довольство, ограниченность потребностей и спокойная совесть; вот почему счастье живет внутри нас, а не снаружи; мы должны создать его в себе» (*Даль* 2002а: 131). Таково не только философское, но и народное понимание счастья.

Наконец, чрезвычайно важен для понимания народной психологии в ее самых глубинных основаниях рассказ В. И. Даля «Обмиранье». Начинает-

ся он с размышления автора о главной движущей силе истории, которую он усматривает в духовном преобразении народа: «повсюду Божеское Провиденье, не покинувшее доселе народа своего и отвечающее на безумие премудростию: и в таких-то неожиданных искорках отрадно разгадывать предвестника зари будущего рассвета» (Даль 2012: 304).

В качестве примера такого преобразования он приводит мучительную историю болезни старушки, которая пережила состояние «обмирания», близкое клинической смерти. В этом состоянии к ней пришла ее невестка, которую она не любила и считала ее своим врагом. Старушка думала, что и невестка относится к ней так же, однако вместо этого невестка заливалась слезами над ней и оплакивала ее: «Стало меня ретивое корить, адским огнем палить, и жалость одолела смертная, жалость такая, что вот бы в ноги так и повалилась ей, обняла бы ее, как и сына родного не обнимала – да не могу ни суставчиком мизинца пошевелить, ни знаку-признаку подать... Долго ли мы так лежали, не знаю – а она видно уже сама ослабла и притихла... вдруг, словно оторвалось что во мне, словно жаль моя камнем тяжелым от сердца отвалилась, и стала подыматься, подыматься, да и вырвалась вздохом из уст моих, и ожило сердце во мне, и очи отворились» (Даль 2012: 328). И это было не только физическое оживание, но духовное преобразование героини.

В уста этой героини В. И. Даль явно вложил и свои собственные размышления на эту тему: «не перемена места нужна для счастья нашего, а перемена состояния души нашей, и постылое станет милым, и человек, сам не ведая как, послушит себя духом в Небесном Царстве. Много искажения внедрилось в человечестве, но кой-где и кой-когда, в укромной тиши, впотьмах, просвечивают искры света и тепла, и повсюду Божеское Провиденье, не покинувшее доселе народа своего, отвечающее на безумие премудростию» (Даль 2012: 330). «Перемена состояния души нашей» – это и есть главный императив христианской культуры, глубоко усвоенной русским народом. Императив духовного преобразования один для всех людей и не зависит от социального положения человека.

Краткий обзор нашей темы позволяет сделать вывод о том, что В. И. Даль создал яркую, систематическую картину русской народной психологии, в которой имеют место самые глубокие нравственные законы и смыслы. Они были сформированы двумя главными факторами: православной верой и историческим опытом народа. Оба эти фактора взаимозависимы: с одной стороны, именно Православие определило ту нравственную высоту, которая позволила народу вынести все тяжелые исторические испытания и создать великое государство и

великую культуру; с другой – именно эти испытания и укрепляли народ в православной вере, давали нравственную силу.

В содержательном отношении главными компонентами народной психологии являются чувства безусловного долга и ответственности перед Богом и перед царем как главой православного народа, отвечающим за него перед Богом. В свою очередь, это определяло главный принцип понимания народом самой земной жизни – как радости и аскезы одновременно. Радость и аскеза взаимообусловлены, поскольку радость порождается именно самим жизненным подвигом и верностью своей судьбе. В критические же моменты жизни человек проходит через «символическую смерть», которая его глубоко обновляет и преобразует. Это преобразование души в соответствии с идеалом, данным в Евангелии, и составляет высший смысл народной жизни.

Мировоззренческие рассуждения В. И. Даля до настоящего времени остаются почти не исследованным аспектом его наследия. Их ценность не только в том, что они объясняют творческое credo самого Даля, его понимание сущности языка и основания его поэтики, но они важны и как концептуализация мировоззрения русского народа, который он исследовал. Среди новых работ, начавших анализ этой темы, можно выделить статьи И. А. Голованова «Аксиологические константы традиционной духовной культуры в фольклорном собрании В. И. Даля» (Голованов 2012) и В. И. Мельника «В. И. Даль как духовный врачеватель русского народа» (Мельник 2016). В данной статье будет рассмотрен ряд ключевых текстов В. И. Даля, в которых даются общие характеристики мировоззрения русского народа. Эти тексты имеют публицистический характер, однако содержат и ценные концептуальные положения, которые требуют систематизации и осмысления в качестве целостной концепции народного мировоззрения.

Как известно, революционно настроенные публицисты еще при жизни В. И. Даля отнеслись к его творчеству критически и даже враждебно. Из них наиболее радикально высказался Н. Г. Чернышевский в рецензии на его книгу «Картины из русского быта». Он писал: «... у г. Даля нет и никогда не было никакого определенного смысла в понятиях о народе, или, лучше сказать, не в понятиях (потому что, какое же понятие без всякого смысла?), а в груде мелочей, какие запомнились ему из народной жизни... г. Даль не понимает народного быта» (Чернышевский 1950: 984). Чем объяснить такое странное мнение, абсурдность которого совершенно очевидна в силу того, что В. И. Даль был в то время лучшим знатоком народа среди всех русских

ученых, работавших в этой области? Объяснение здесь вполне очевидное, оно лежит в области мировоззрения и идеологии. Для Н. Г. Чернышевского народ был в первую очередь «темной массой», которая пребывает якобы в «рабстве» и поэтому а priori не может иметь в своем быте и мировоззрении чего-либо ценного. Он достаточно откровенно высказывал свое презрение к народу, которое заметно даже по названиям его статей: «Народная бестолковость», «Леность грубого простонародья» и т. п. По мнению Чернышевского, как и всех революционеров, народ должен все получить только после «революционного изменения жизни», а до этого его жизнь мало чем отличается от животного существования. При этом революционеры, в отличие от В. И. Даля и других серьезных ученых, народа, по сути, не знали и с ним почти не общались. Их якобы «любовь к народу» была лишь абстрактной идеологической схемой. При более внимательном рассмотрении эта «любовь» вообще оказывалась мифом и лицемерием, поскольку этим людям не жалко было массовой гибели народа в кровавых смутах ради придуманного ими будущего «счастья». XX век показал ложь их идеологии.

В. И. Даль, в отличие от революционных идеологов, не только знал и понимал реальный народ, но и имел общее с ним мировоззрение. Как писал В. Г. Белинский, «к особенности любви Даля к Руси принадлежит то, что он любит ее *в корню*, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком» (Белинский 1956: 80). Это стало возможным именно потому, что Даль исповедовал христианскую веру и мировоззрение, общее с русским народом (этому не мешал и критический взгляд на отдельные его аспекты), поскольку знал, что оно является самым содержательным из всех возможных – и особенно по сравнению с революционным безбожием Чернышевского и подобных ему. Именно это и вызывало плохо скрываемую ненависть к В. И. Далю со стороны последнего, которая и заставляла Чернышевского делать столь абсурдные утверждения, противоречащие очевидным фактам.

Воспоминания П. И. Мельникова-Печерского свидетельствуют о том, что В. И. Даль вполне осознанно принял Православие, так как считал, что в Православной Церкви сохраняется вся полнота Истины. В одной из бесед со своим другом-учеником он сказал: «Самая прямая наследница апостолов, бесспорно, ваша греко-восточная церковь, а наше лютеранство дальше всех забрело в дичь и глушь... Римское католичество в этом отношении лучше протестантизма, но там другая беда, горшая лютеранского головерия, – главенство папы, при-

знание смертного и страстного человека наместником Сына Божия. Православие – великое благо для России, несмотря на множество суеверий русского народа. Но ведь все эти суеверия не что иное, как простодушный лепет младенца, еще неразумного, но имеющего в себе ангельскую душу. Сколько я ни знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней Православие... Расколы – вздор, пустяки; с распространением образования они, как пыль, свеются с русского народа. Раскол недолговечен, устоять ему нельзя; что бы о нем ни говорили, а он все-таки не что иное, как порождение невежества... Пред светом образования не устоять ни темному невежеству, ни любящему потемки расколу. Суеверия тоже пройдут со временем. Да где же и нет суеверий? У католиков их несравненно больше, а разве протестантизм может похвалиться, что оно совершенно свободно от суеверий? Но суеверие суеверию – рознь. Наши русские суеверья имеют характер добродушия и простодушия, на Западе не то; тамошние суеверия дышат злом, пахнут кровью. У нас непомерное, превышающее церковный закон почитание икон, благовещенская просфора, рассеянная вместе с хлебными зернами по полю ради урожая, скраденная частица Святых Даров, положенная в пчелиный улей, чтобы меду было побольше, а там – испанские инквизиции, Варфоломеевские ночи, поголовное истребление евреев, мавров, казни протестантов!... Так говаривал он много раз и впоследствии, и чем более склонялись дни его, тем чаще» (Мельников-Печерский 2002: 329–330).

В данном свидетельстве для понимания мировоззрения В. И. Даля принципиально важны две его фразы: 1) «нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный»; 2) «Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней Православие». Первое высказывание – это принципиальный ответ всем русофобским мифам о русском народе, за много веков придуманным его врагами и усиленно пропагандируемым до сих пор. В нем важна и оговорка: «если только обращаться с ним правдиво», которая означает, что русский народ проявляет свои лучшие качества тогда, когда его не обманывают и не пытаются навязать ему чуждые понятия и образ жизни. В последнем случае он эти качества утрачивает. Второй принципиальный тезис Даля состоит в том, что своей нравственной высоты русский народ достиг только благодаря Православию и неизбежно утратит ее, если утратит православную веру, – что и подтвердилось на практике в XX в. Тем не менее, пока Православие сохра-

няется хотя бы частью народа – Россия будет существовать. Таков прогноз В. И. Даля на все будущие времена.

Скончался В. И. Даль, уже сознательно крестившись в Православие. Мельников-Печерский сразу после его смерти вспоминал, как это случилось: «Помню раз, года четыре тому назад, прогуливались мы с ним по полю около Ваганькова кладбища. Оно недалеко от Пресни, где жил и умер Владимир Иванович. – Вот и я здесь лягу, – сказал он, указывая на кладбище. – Да вас туда не пустят, – заметил я. – Пустят, – отвечал он, – я умру православным по форме, хоть с юности православен по верованиям. – Что же мешает вам, Владимир Иванович? – сказал я. – Вот церковь... – Не время еще, – сказал он, – много молвы и говора будет, а я этого не хочу; придет время, как подойдет безглазая, тогда...» (Мельников-Печерский 2002: 330–331). Как известно, с Даля списан один из святых на иконе святых Косьмы и Дамиана, созданной в последней трети XIX в. Икона находится в Музее истории религии (Санкт-Петербург). По мнению сотрудников Музея, в образах святых Косьмы и Дамиана узнаваемы портреты Пушкина и Даля. «Почему именно в образах этих святых иконописец напомнил нам о Пушкине и Дале? Вероятно, он вкладывал в икону символический смысл: речь идет не только о Дале как враче, присутствовавшем у смертного одра Пушкина, но и о двух духовных врачевателях русского народа», – отмечает В. И. Мельник (Мельник 2016).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль дает такое определение слову «человек», которое вполне соответствует православной антропологии: «Человек плотский, мертвый едва отличается от животного, в нем пригнетенный дух под спудом; человек чувственный, природный признает лишь вещественное и закон гражданский, о вечности не помышляет, в искус падает; человек духовный, по вере своей, в добре и истине; цель его – вечность, закон – совесть, в искус побеждает; человек благодатный постигает, по любви своей, веру и истину; цель его – Царство Божие, закон – духовное чутье, искушенья он презирает. Это степени человечества, достигаемые всяким по воле его» (Даль 2006: 571). Это определение имеет оригинальный характер, оно не содержит скрытых цитат церковных авторов и строго передает общее народное понимание сущности человека. В нем важно отметить не только противопоставление человека плотского и человека духовного, но и его динамический характер – оно предполагает духовный рост и совершенствование человека, восхождение на более высокие ступени на основе свободы («по воле его»). Исходя из такого православного народного понимания природы человека и его устремлений,

В. И. Даль судит о различных культурных явлениях. Рассмотрим некоторые его суждения.

Большой интерес представляет оценка Далем содержания и структуры народного мировоззрения, поскольку оно сложно и многослойно и поэтому всегда вызывало споры среди его исследователей. Главным образом споры касались соотношения христианских и языческих элементов. К языческим элементам Даль относит в первую очередь суеверия, поскольку другие элементы язычества (остатки культов и мифологии язычества) к XIX в. уже не существовали. Он писал: «если и смотреть на поверья народа, вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни; это путы, кои человек надел на себя – по своей ли вине, или по необходимости, по большому уму, или по глупости, – но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое, – этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа» (Даль 2015а: 341–342). То есть Даль считает суеверие в первую очередь результатом многовекового народного опыта, который должен быть изучен для понимания сущности этого явления.

«Поверьем, – по определению В. И. Даля, – называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение, или понятие, без разумного отчета основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно суеверием или, по новейшему выражению, предрассудком. Между этими двумя словами разницы мало; предрассудок понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным, суеверным, правилам, что, как и когда делать. Из этого видно, еще в третьем значении, важность предмета, о коем мы говорим; он дает нам полную картину жизни и быта известного народа» (Даль 2015а: 342). Тот факт, что «поверье может быть истинное», означает, что оно должно изучаться как некое реальное знание о природе и, тем самым, как важная часть культуры народа, обычно непонятная для других.

Поэтому, продолжает свою мысль Даль, «подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверье есть или могло быть некогда смысла, на чем оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место, – это нелегко. Едва ли, однако же, можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ве-

тер без всякого смысла и толка. Коли есть поверья, рожденные одним только праздным вымыслом, то их очень немного; – и даже у этих поверий есть, по крайней мере, какой-нибудь источник, например: молодецванье умников или бойких над смирными; старание поработить умы самым сильным средством – общественным мнением, против которого слишком трудно спорить» (Даль 2015а: 343–344). Таким образом, он обосновывает мысль о позитивном значении большинства народных поверий, поскольку они доказали свою пользу на практике.

С другой стороны, Даль применяет исторический метод рассмотрения данного явления. «У нас есть поверья – остаток или памятник язычества; – отмечает он, – они держатся потому только, что привычка обращается в природу, а отмена старого обычая всегда и везде встречала сопротивление. Сюда же можно причислить все поверья русского баснословия, которые, по всей вероятности, в связи с отдаленными временами язычества. Другие поверья придуманы случайно, для того чтобы заставить малого и глупого, окольным путем, делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее» (Даль 2015а: 344). Как видим, пережитки мифов языческих времен он ставит на один уровень с современными выдумками, которые часто встречаются в народе в связи с какими-то экстраординарными событиями, которые «обрастают мифами». Это говорит о том, что эта часть народного мировоззрения является периферийной – это фольклор, который нужен для того, чтобы структурировать представления о мире, но не «ядро» мировоззрения. Тем самым, исходя из этой мысли В. И. Даля, нельзя говорить о «двоеверии» у русского народа, поскольку его религиозная вера – Православие, а фольклорная мифология имеет совершенно иной статус. Если Православие составляет высшую, сакральную часть народного мировоззрения, то фольклорная мифология – это его низшая, «прикладная» часть. Православие признает, что окружающий мир населен духами (бесами), которые в народе имеют свои имена (лешие, русалки и пр.). Некоторым пережитком язычества в народе, безусловно, было стремление «задобрить» этих духов, вместо того чтобы изгонять их чтением 90-го псалма и крестным знаменем, но это стремление не имело специальной культовой практики и поэтому не может считаться «язычеством» как мировоззрением. Для народной практики общения с духами характерно то, что «задабривание» было только первой стадией, но затем все равно обращались к православной молитве. Весьма показательным в этом отношении является рассказ Даля «Сказка о кладе», являющийся вариацией «фаустовского» сюжета. Но в отличие от Фауста, герой

В. И. Даля хотя и хотел продать свою душу за богатый клад – не смог это сделать просто потому, что по привычке осенил себя крестным знаменем.

«Поверья третьего разряда, – продолжает Даль, – в сущности своей, основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому их неправильно называют суевериями; они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа, а потому знать их и сообразовываться с ними полезно. Эти поверья бесспорно должны быть все объяснимы из общих законов природы: но некоторые представляются до времени странными и темными. За сим непосредственно следуют поверья, основанные так же, в сущности своей, на явлениях естественных, но обратившихся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям. Пятого разряда поверья изображают дух времени, игру воображения, иносказания, – словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие» (Даль 2015а: 344). Здесь В. И. Даль выстраивает градиацию отхода поверий от уровня ценного опытного знания и переход их в статус поэзии – игры воображения.

«К шестому разряду, наконец, должно причесть, может быть только до поры до времени, небольшое число таких поверий, в коих мы не можем добиться никакого смысла. Или он был утрачен по изменившимся житейским обычаям, или вследствие искажений самого поверья, или же мы не довольно исследовали дело, или, наконец, может быть, в нем смысла нет и не бывало. Но как всякая вещь требует объяснения, то и должно заметить, что такие вздорные, уродливые поверья произвели на свет, как замечено выше, или умничанье, желание знать более других и указывать им, как и что делать, – или пылливый, любознательный ум простолюдина, доискивающийся причин непонятого ему явления; эти же поверья нередко служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с той только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими», – отмечает Даль (Даль 2015а: 344–345). Как видим, ученый здесь проявляет максимальную объективность, указывая и на такие элементы народного мировоззрения, которые потеряли всякий смысл, и даже на такие, которые изначально были «мошенническими». Однако из вышеприведенных его суждений видно, что эти элементы скорее составляют исключение.

Даль также учитывает элемент условности в своих теоретических построениях, не делает из них догмы. Он отмечает: «Само собой разумеется, что разряды эти на деле не всегда можно так положи-

тельно разграничить; есть переходы, а многие поверья, без сомнения, можно причислить и к тому, и к другому разряду; опять иные упомянуты у нас, по связи своей с другим поверьем, в одном разряде, тогда как они, в сущности, принадлежат к другому. Так, все лицедеи нашего баснословия принадлежат и к остаткам язычества, и к разряду вымыслов поэтических, и к крайнему убежищу невежества, которое не менее, как и само просвещение, хотя и другим путем, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий. Лица эти живут и держатся в воображении народном частью потому, что в быту простолюдина, основанном на трудах и усилиях телесных, на жизни суровой, – мало пищи для духа; а как дух этот не может жить в бездействии, хотя он и усилен невежеством, то он и уносится, посредством мечты и воображения, за пределы здешнего мира. Не менее того пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, в особенности бедствий и несчастий, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает все на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, – и на душе как будто легче» (Даль 2015а: 345).

Концовка этого рассуждения важна для понимания оценки В. И. Далем гносеологических источников такого рода народных воззрений. Он объясняет естественно большую роль воображения в создании архаической картины мира, но при этом отмечает, что работа воображения не была праздной, но была направлена на объяснение природных и социальных явлений. Ценно и замечание Даля о том, что «невежество... не менее, как и само просвещение, хотя и другим путем, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий». Это означает, что действия ума людей одинаковы во всех культурах, и «невежество» в области современных наук совсем не является признаком того, что люди при этом не мыслят.

В подтверждение этой мысли Даль пишет о том, что сам народ не лишен рефлексии по поводу имеющихся у него мифологических представлений: «Вопрос, откуда взялись баснословные лица, о коих мы хотим теперь говорить – возникал и в самом народе: это доказывается сказками об этом предмете, придуманными там же, где в ходу эти поверья. Домовой, водяной, леший, ведьма и проч. не представляют, собственно, нечистую силу; но по мнению народа, созданы ею, или обращены из людей, за грехи или провинности. По мнению иных, падшие ангелы, спрятавшиеся под траву прострел, поражены были громовою стрелою, которая пронзила ствол этой травы, употребляемой по этому поводу для залечения ран, – и низвергла падших духов на землю; здесь они рассыпались по лесам, полям и во-

дам и населили их. Все подобные сказки явным образом изобретены были уже в позднейшие времена; может быть, древнее их мнение, будто помянутые лица созданы были нечистым для услуг ему и для искушения человека; но что домовый, например, который вообще добродетельнее прочих, отложился от сатаны – или, как народ выражается, от черта отстал, а к людям не пристал» (Даль 2015а: 346). Как видим, он здесь четко указывает на то, что народная мифологическая картина мира внутренне логична, кроме того, в ней нашло отражение и библейское откровение о сотворении мира, хотя и дополненное некоторыми фантастическими образами, дошедшими из язычества. Но поскольку эти образы имеют лишь вспомогательный, «художественный» характер, то в целом картина мира народа была уже христианской.

В. И. Далю принадлежат интересные рассуждения о народной поэзии как форме исторической памяти. Здесь народная поэзия – игра воображения – также оказывается важнейшим практическим средством формирования знаний и мировоззрения людей. В «Письмах о Хивинском походе» он размышлял: «Что такое народная поэзия? Откуда берется это безотчетное стремление нескольких поколений к одному призраку, и каким образом, наконец, то, что думали и чувствовали в продолжение десятков или сотен лет целые народы, племена и поколения, оживает в слове, воплощается в слове одного и снова развивается в толпе и делается общим достоянием народа? Это загадка. Сто уст глаголят одними устами – это хор древних греков, и значение хора их может понять только тот, кто способен постигнуть душою, что такое народная, созданная народом поэма: это дума вслух целого народа, целых поколений народа. Для меня это первый залог нашего бессмертия. Говорят: глас народа, глас Божий; что же сказать о гласе целого поколения? Этот залог должен найти свой отголосок, он не замрет в простоте и силе своей, а отголоска ему в этом мире нет. Так-то мы читаем в каждой книге не то, что написано, а то, что можем понять и постигнуть, что тронет и займет нас; так-то народные предания для иных – бабьи сплетни, для иного совсем иное» (Даль 2015б: 371–372). Как видим, начиная рассуждение с вопроса достаточно приземленного – роли эпоса в формировании народа – Даль затем переходит к теме метафизической и формулирует интересный тезис о том, что земная память в поколениях является «первым залогом нашего бессмертия». Если и на земле давно жившие люди не забываются – то уже тем более Бог не забудет никого в посмертном бытии – такова логика его рассуждения. Кроме того, здесь Даль высказывает важное положение, которое уже в XX в. будет разрабатывать герменевтика

– положение о том, что содержание текста всегда зависит и от самого читателя, от его ожиданий и вкладываемых им в текст смыслов. Здесь необходимо «родство душ» автора и читателя.

Наконец, особым аспектом в наследии В. И. Даля является его письмо к издателю А. И. Кошелеву, опубликованное в журнале «Русская беседа» (1856, Ч. III). Это письмо в свое время приобрело «скандальную» известность, главным образом потому, что его оппоненты из «прогрессивного» лагеря, как справедливо отметил Ю. П. Фесенко, «преднамеренно исказили его позицию» (Фесенко 1999: 6) в вопросе о распространении грамотности в народе. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «г. Даль в оное время отстаивал право русского мужика на безграмотность» (цит. по: Фесенко 1999: 221). Однако в действительности Даль в этом письме высказал совершенно иную и при этом чрезвычайно прозорливую мысль, в справедливости которой мы можем вполне убедиться только теперь – на основе трагического опыта нашей истории, которая показала, как массовая грамотность может приводить вовсе не к просвещению народа, а к разрушению христианской нравственности.

«Речь о просвещении, – писал здесь Даль, – спор о пользе или вреде его, хотя некогда Академии и вызывали на решение такого странного вопроса и сулили за это награды, спор этот может вертеться на одном только недоразумении, на различном понятии о значении слова просвещение. Оно может служить средством к добру и ко злу; в последнем случае оно, без всякого сомнения, вредно; могут быть также отрасли просвещения, кои, при известных обстоятельствах, наклонностях и влиянии, делаются опасными; могут быть другие, кои должно распространять, а тем более применять к делу, не в том виде, как они нам передаются; вообще же против просвещения и образования мог бы восставать тот только, кто полагал бы сущность жизни нашей не в духе, а во плоти; другими словами, кто желает оскотиниться. Полагаю, что объяснение это ясно и не подает повода к кривотолкам; надеюсь, что не станут выворачивать слов моих наизнанку; это была бы забава пошлая, которая послужила бы только новым убеждением в пользу сказанного, т. е. что все может быть употреблено во зло. Я не говорю о науках точных, о каких-нибудь истинах счисления, о дознанном событии, тут не прибавишь и не убавишь: но выводы, заключения и приложение этих истин, – действия, бесспорно также относящиеся к просвещению, могут быть весьма не одинаковы, смотря по взглядам на предмет, по направлению и убеждениям (курсив мой. – В. Д.). Что русскому здорово, то немцу смерть, и наоборот» (Даль 2002б: 259). Как видим, здесь явно ни о каком «праве на

безграмотность» речь не идет, и Даль является таким же сторонником просвещения народа, как и его оппоненты. Однако, в отличие от них, он хорошо понимает, к чему может привести *необдуманное навязывание* грамотности народу. Вообще уже сама мысль Даля о том, что грамотность при ее неправильном введении может служить во зло – была для своего времени крайне смелой и глубокой, даже гениальной.

Чтобы объяснить, почему это возможно, Даль приводит простую аналогию. «Нож и топор – пишет он, – вещи необходимые; а между тем сколько было зла от ножа и топора? Пример этот крут; чтобы показать степени в этом деле, примените то же рассуждение к пороху, к пару, к самой грамоте, и вы конечно согласитесь, что для доброго, полезного приложения изобретений этих к делу нужно быть приготовленным, приспособленным; нужно пройти через низшие степени к высшим, нужно понять опасность обращения с таким товаром и не только умом и сердцем желать добра, но и не заблуждаться насчет последствий; а *заблуждение это именно тогда вероятно, когда мы слепо и бессознательно подражаем*» (курсив мой. – В. Д.) (Даль 2002б: 261). Тем самым Даль обвиняет наивных прогрессистов типа Чернышевского 1) в слепой подражательности Западу, то есть боязни отстать от него в статистике числа грамотных; 2) в нежелании продумать последствия быстрого введения грамотности в народе. То есть фактически он указывает на то, что «прогрессисты» в России сами недостаточно просвещенные люди, поскольку им не хватает самостоятельного мышления, рефлексии и дальновидности.

«Постараюсь объяснить это примерами, – продолжает свою мысль Даль, – Некоторые из образователей наших ввели в обычай кричать и вопить о грамотности народа и требуют наперед всего, во что бы ни стало, одного этого; указывая на грамотность других просвещенных народов, они без умолку приговаривают: просвещение, просвещение! Но разве просвещение и грамотность одно и то же? Это новое недоразумение. *Грамота только средство, которое можно употребить на пользу просвещения, и на противное тому – на затмение.* Можно просветить человека в значительной степени без грамоты, и может он с грамотой оставаться самым непросвещенным невеждой и невежей, т. е. непросвещенным и необразованным, да сверх того еще и негодяем, что также с истинным просвещением не согласно. Лучшим несчастным примером у нас могут служить некоторые толки закоснелых раскольников: *все грамотны, от мала до велика, а конечно трудно найти более грубую и невежественную толпу*» (курсив мой. – В. Д.) (Даль 2002б: 262). Фундаментальная мысль Даля о том, что просве-

щение и грамотность – это далеко не одно и то же, и очень часто грамотность может сочетаться с невежеством, – принципиально важна и для нашего времени, когда из «образования» сделан фетиш и нет понимания того, что формальное образование вовсе не есть просвещение.

Даль приводит еще один пример: «Я знаю деревню, населенную сплошь слесарями; все, стар и мал, занимаются этим ремеслом; дело, кажется, не худое; а между тем от слесарей этих никакой замок не уцелеет; есть спрыг-трава, есть отмычки на все руки, и слесарей моих боятся на всю округу, как огня». Это пример того, что любое полезное умение может стать причиной зла. Грамотность не является исключением: «Грамота, сама по себе, ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит. Перо легче сохи; вкусивший без толку грамоты норовит в указчики, а не в рабочие, норовит в ходоки, коштаны, мироеды, а не в пахари; он склоняется не к труду, к тунеядству» (курсив мой. – В. Д.) (Даль 2002б: 263). Суть того, о чем здесь пишет Даль, очень проста: «грамотность в первую очередь вовсе не сделает человека образованным, но в первую очередь она разрушит здоровый уклад жизни и породит массу социальных паразитов».

Далее Даль еще более проясняет свою мысль в ее конкретных аспектах: «А что читать нашим грамотеям? Вы мне трех путных книг для этого не назовете. А что писать нашим писакам? Разве ябеднические просьбы и подложные виды? Св. Писание, даже по цене, как оно продается и притом почти только в столицах, весьма редко может дойти до рук простолюдина, и то уже по цене удвоенной. При том, одним этим он не удовольствуется, а захочет знать, что говорится в других книгах. Упомяну мимоходом, что были когда-то так называемые лубочные издания, малополезные, но и безвредные; и их теперь нет, но и на место их нет ничего. Если бы вы убедились на деле, что вместе с грамотой, по какой-либо неразрывной связи, к какому бы то ни было народу прививается и нравственная порча, влекущая к употреблению нового знания своего во зло, – я говорю только если бы – то вероятно бы согласились, что грамота не есть просвещение и что наперед грамоты надо бы позаботиться о чем-либо ином. *Сутяжничество и все бесчестные увёртки, прикрываемые видом законности, появляются тотчас там, где грамота вытесняет совесть и занимает ее место, где совесть заменяется грамотой.* Если бы ближайшее по соприкосновенности к мужику сословие промышляло злоупотреблением грамотности и закона, то такой обычай легко мог бы сделаться повальным. Удалите же наперед безнаказанный пример этот, покажите будущему ученику своему благое приложение грамоты – не на

словах, а на деле, окружите его такими примерами – и с Богом, учите его» (курсив мой. – В. Д.) (Даль 2002б: 265). Таким образом, второй принципиальный тезис Даля состоит в том, что грамоте нужно учить людей тогда, когда они к этому уже будут достаточно подготовлены новыми условиями жизни, поскольку при тех исторических условиях, которые были на тот момент, о котором шла речь, грамота в первую очередь неизбежно приведет лишь к моральной деградации народа.

Даль и специально обращается к своим будущим оппонентам, чтобы прояснить свою мысль и избежать кривотолков (но, как оказалось, совершенно бесполезно): «Прошу не принимать слов моих в таком смысле, будто я гоню грамоту; нет, я хочу только убедить вас, что грамота не есть просвещение, а относится к одному внешнему образованию и потому не может быть сущностью забот наших для образования простолюдина. Придавать лоск прежде отделки вещи нельзя, разве для того только, чтобы обмануть наружным видом ее. Слово грамотей уже нередко слышится в бранном смысле, как равносильное плуту, даже мошеннику, и в этом случае именно подразумевается, что грамотность у этого человека заняла место совести» (Даль 2002б: 266). Предсказание Далем ситуации, когда «грамотность» у человека могла занять «место совести», является гениальным и прозорливым; эту свою мысль он прояснил на конкретном жизненном примере: «Два простых безграмотных мужика пришли ко мне на днях судиться; один насчитывает долг, другой отрекается. Сколько я ни бился, но многолетние счета их были так запутаны, что нельзя было сделать никакого верного расчета, и должник, сознавая одну часть долга, от другой упорно отпирался. Коли так, то пусть он отбожится, сказал, наконец, проситель, и Бог с ним; забоженные деньги на его совести будут; прикажите ему, вот хоть сейчас при вашей милости, помолиться со мною перед образом, да пусть после побожится, что не должен, и Бог с ним. Ответчик с большою уверенностью продолжал убеждать нас, что он прав; по-видимому, он и сам этому верил, но от молитвенной божбы отказался и принял на себя долг, сказав: так пусть лучше деньги на его совести будут, чем на моей; он неправедным добром не разживется. Очевидно, что здесь должника вразумила богобоязненность и совесть; будь дело на бумаге, на письме, мужик стал бы указывать на одно это и устранил бы всякое вмешательство совести. Законное право заняло бы место правды» (Даль 2002б:268). Этот пример является своего рода мини-рассказом из народного быта, показывающим, как «грамотность заменяет совесть».

Общий вывод Даля таков: «Большинство так называемых ревнителей образованности и просве-

щения – все мы к нему стремимся, но может быть различными путями, или не совсем одинаково его понимаем – назовут такую народную расправу варварством, которое основано на невежестве, безграмотстве, а потому потребуют безусловно, чтобы она была заменена порядком письменным и судебным. Не отвергая столь же безусловно вашего порядка, я однако же попрошу вас вникнуть наперед поближе в наше домашнее дело: *вместе с письменным порядком неминуемо является склонность к сутяжничеству*, потому что, устанавливая порядок этот, вы сами дадите людям новые обрядливые правила и говорите: а кто, с той либо с другой стороны, не исполнит этих обрядов, тот лишается прав своих; этим самым вы конечно как бы вызываете спорящих пользоваться промахами противника в несоблюдении обрядов, заглушая голос совести. Не забудьте, что при необходимости прибегать в спорах этих не к решению здравого ума и правды, а к помощи законников, также неминуемо являются добрые советы их, наставления и подстрекательства к тяжбам бессовестным, промышленным. *Итак, изводя народный исконный обычай, вы должны остерегаться, чтобы не заменить его, по неуместной переимчивости своей, одним только призраком порядка; чтобы не поставить на место совести, стыда и страха прежнего порядка какие-нибудь нескончаемые обряды и бумажное производство, ничего не обеспечивающее, а потому и ведущее к растлению нравственности и к разрушению всякой торговой доверенности*. Вы конечно позаботитесь, не увлекаясь отвлеченностью науки, умозрением и слепым подражанием, дать, вместо старого, что-либо не только новое, но и лучшее; вы сообразите силы и средства свои, степень нравственной надежности людей, коим новый порядок вверяется, вековые обычаи, свойства, склонности народа и сбыточные последствия нововведения; словом, вы станете вытеснять старое, не потому что оно старо, а потому что оно дурно и что есть средства установить лучшее на прочном основании» (курсив мой. – В. Д.) (Даль 2002б: 269).

Столь большой отрывок из рассуждений В. И. Даля здесь приведен сознательно – для того, чтобы была яснее видна его внутренняя логика. Как видим, он смотрит на процесс просвещения народа совсем иначе, чем прогрессисты, которые сделали фетиш из «грамотности», совершенно не задумываясь о том, зачем она вообще нужна. Даль на конкретных примерах ясно показывает, что грамотность ради грамотности не только не приносит народу пользы, но даже чаще всего оказывается вредной для него, так как разрушает трудовую этику и

нравственность. Грамотность может быть полезной только при двух условиях: во-первых, если она с самого начала соединена с духовно-нравственным, то есть религиозным воспитанием – в противном случае она ведет к безбожию и паразитическому менталитету по принципу «лишь бы меньше работать»; во-вторых, если она с самого начала дается не просто так, чтобы похвастаться перед «цивилизованной Европой», а для того, чтобы народ мог осваивать новые виды деятельности. А пока таких новых видов работы, требующих грамотности, нет, то она чаще всего просто вредна народу.

Позднее «средства установить лучшее на прочном основании» в России были найдены: система всеобщего начального образования была заложена в конце XIX в. К. П. Победоносцевым как сеть церковно-приходских школ (к 1918 г. начальное образование должно было стать общеобязательным, но этому помешала война и особенно революция). Суть этой системы была в том, что начальное образование было церковным и объединено с нравственным воспитанием. Дети учились читать по Псалтири и по нравоучительным церковным книгам. Как видим, К. П. Победоносцев полностью учел уроки В. И. Даля. Таким образом, можно сказать, что начальное образование создавалось в России на основе идей Даля. К сожалению, в XX в. образование пошло уже по совсем иному – нравственно деструктивному – пути и привело именно к тем результатам, от которых предостерегал Даль.

Кратко рассмотренные здесь публицистические рассуждения В. И. Даля о мировоззрении русского народа и о путях его развития в будущем имеют большую ценность для современной науки. Во-первых, они позволяют более адекватно понять основные элементы русского традиционного народного мировоззрения, отраженного в быту, памятниках культуры и исторических событиях. Во-вторых, концепция Даля до сих пор имеет большое прогностическое значение, поскольку в ней сформулированы принципы усвоения народом новых культурных явлений. Игнорирование этих принципов в бездумной погоне за внешним «прогрессом» привело к катастрофам XX в., поставившим русский народ на грань выживания, их нужно осознать хотя бы сейчас и использовать в будущем. Остается надеяться, что идейное и культурологическое наследие В. И. Даля будет усвоено. Как и его художественные очерки народной нравственности, наследие В. И. Даля в целом составляет важнейший компонент Золотого века русской культуры.

Источники и материалы

Анненков 1854 – Анненков П. В. По поводу романов и рассказов из простонародного быта. Статья вторая и последняя // Современник. 1854. № 3. Т. 44. С. 11–22.

- Белинский 1956 – Белинский В. Г. Рец. на кн.: Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. СПб., 1846 // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 80–85.
- Даль 1844 – Даль В. И. Что легко наживается, то ещё легче проживается // Сельское чтение. Изд. 4-е. Кн. 3. СПб.: В тип. И. Глазунова и Комп., 1844. С. 14–16.
- Даль 1880 – Даль В. И. Бунтовщик // Два сорока бывальщинок для крестьян. Второй сорок. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880. С. 9–11.
- Даль 2002а – Даль В. И. Картины из русского быта. М.: Новый ключ, 2002.
- Даль 2002б – Даль В. И. Письмо к издателю А. И. Кошелеву // В. И. Даль и «Общество любителей российской словесности»: Сборник / сост. Р. Н. Клейменова. СПб.: Златоуст, 2002. С. 257–271.
- Даль 2006 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: РИПОЛ классик, 2006.
- Даль 2009 – Даль В. И. Упырь. СПб.: Азбука-классика, 2009.
- Даль 2012 – Даль В. И. Архистратиг. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2012.
- Даль 2015а – Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа // Байрамукова А. И. В мире текстов В. И. Даля: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Книга, 2015. С. 341–347.
- Даль 2015б – Даль В. И. Письма о Хивинском походе // Байрамукова А. И. В мире текстов В. И. Даля: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Книга, 2015. С. 348–401.
- Даль 2017 – Даль В. И. Как солдату, конному и пешему, управляться с неприятелем // Даль В. И. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. М.: Книжный клуб «Книговек», 2017. С. 51–56.
- Мельников-Печерский 2002 – Мельников-Печерский П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Даль В. И. Картины из русского быта. М.: Новый Ключ, 2002. С. 267–333.
- Чернышевский 1950 – Чернышевский Н. Г. Картины из русского быта, Владимира Даля // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 7: Статьи и рецензии. 1860–1861. М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1950. С. 983–986.

Научная литература

- Голованов И. А. Аксиологические константы традиционной духовной культуры в фольклорном собрании В. И. Даля // Челябинский гуманитарий. 2012. № 1(18). С. 37–45.
- Мельник В. И. В. И. Даль как духовный врачеватель русского народа. Очерк // Сайт «Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба». 09.03.2016. https://ruskline.ru/monitoring_smi/2016/03/2016-03-09/vi_dal_kak_duhovnyj_vrachevatel_russkogo_naroda?fbclid=IwAR2Utmq9QNVXSgda_TLsM92XSz0B4WfmOsMLqAwaLUO1ptwJDklmfpQmLB4
- Романов Б. Поэзия Даля // Даль В. И. Картины из русского быта. М.: Новый ключ, 2002. С. 3–18.
- Соколова В. Ф. «Школа В. И. Даля» в русской литературе 40–70-х гг. XIX века // Грамота. 2016. № 1(55). В 2 ч. Ч. 1. С. 68–70.
- Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля: Творческая эволюция. Луганск; СПб.: Альма Матер, 1999.
- Фесенко Ю. П. Пушкинские традиции в «Уральском казаке» В. И. Даля // Русская речь. 1997. № 2. С. 3–9.
- Фокеев А. Л. В. И. Даль и этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века // Русская словесность. 2004а. № 4. С. 9–18.
- Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. Московский государственный областной университет. Москва, 2004б.
- Фомичев С. А. «Далевский пяток на выбор» // Шестые Международные Далевские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Луганск, 2001. С. 111–116.
- Юган Н. Л. Инонациональная этнография в творчестве В. И. Даля как этап развития русской литературно-этнографической школы // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія. 2015. № 19. Т. 2. С. 76–80.
- Юган Н. Л. Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В. И. Даля как книги для народного чтения // Вісник Запорізького національного університету. 2009. № 2. С. 106–116.

References

- Fesenko, Yu. P. 1999. *Proza V. I. Dalja: Tvorcheskaja jevoljucija* [Prose of V. I. Dal: creative evolution]. Lugansk; Saint Petersburg: Al'ma mater.
- Fesenko, Yu. P. 1997. Pushkinskie tradicii v «Ural'skom kazake» V. I. Dalja [Pushkin traditions in the «Ural Cossack» by V. I. Dahl]. *Russkaja rech'* 2: 3–9.
- Fokeev, A. L. 2004. *Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom processe XIX veka: Istoki, tip tvorchestva, istorija razvitija* [Ethnographic direction in the Russian literary process of the XIX century: sources, type of creativity,

- history of development]. PhD diss. abstract. Moscow State Regional University, Moscow.
- Fokeev, A. L. 2004. V. I. Dahl' i etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom processe XIX veka [V. I. Dal and ethnographic direction in the Russian literary process of the XIX century]. *Russkaja slovesnost' 4*: 9–18.
- Fomichev, S. A. 2001. «Dalevskij pjatok na vybor» [«Dal's five tales to choose from»]. In *Shestye Mezhdunarodnye Dalevskie chtenija, posvjashchennye 200-letiju so dnja rozhdenija V. I. Dalja* [The Sixth International Dal Readings, dedicated to the 200th anniversary of the birth of V. I. Dal], 111–116. Lugansk.
- Golovanov, I. A. 2012. Aksiologicheskie konstanty tradicionnoj duhovnoj kul'tury v fol'klornom sobranii V. I. Dalja [Axiological constants of traditional spiritual culture in the folklore collection of V. I. Dal]. *Cheljabinskij gumanitarij 1(18)*: 37–45.
- Meľnik, V. I. 2016. *V. I. Dahl' kak duhovnyj vrachevatel' russkogo naroda. Oчерk* [Dal as a spiritual healer of the Russian people. Sketch] // https://ruskline.ru/monitoring_smi/2016/03/2016-03-09/vi_dal_kak_duhovnyj_vrachevatel_russkogo_naroda?fbclid=IwAR2Utmq9QNVXSgda_TLsM92XSZoSb4WfmOsMLqAwaLUO1ptwJDKl_mfpQmLB4
- Romanov, B. 2002. Pojezija Dalja [Dal's poetry]. In *Dal' V. I. Kartiny iz russkogo byta* [Pictures from Russian life], 3–18. Moscow: Novyj kljuch.
- Sokolova, V. F. 2016. «Shkola V. I. Dalja» v russkoj literature 40–70 gg. XIX veka [«The School of V. I. Dal» in Russian literature of the 40s and 70s. XIX century]. *Gramota 1(55)*: 68–70.
- Yugan, N. L. 2009. Sborniki «Soldatskie dosugi» i «Matrosskie dosugi» V. I. Dalja kak knigi dlja narodnogo chtenija [Collections «Soldiers' leisure» and «Sailors' leisure» by V. I. Dal as books for folk reading]. *Visnik Zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu 2*: 106–116.
- Yugan, N. L. 2015. Inonacional'naja etnografija v tvorcestve V. I. Dalja kak jetap razvitija russkoj literaturno-etnograficheskoi shkoly [Innovative Ethnography in the work of V. I. Dal as a stage of development of the Russian literary and ethnographic school]. *Naukovij visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Seriya Filologija 19. Vol. 2*: 76–80.

VLADIMIR IVANOVICH DAL – THE DISCOVERER OF FOLK CULTURE IN THE ERA OF NICHOLAS I

Abstract. The heritage of V. I. Dal, concerning the research of Russian folk culture and worldview, which he started in the era of Nicholas I, is considered in the article. It is shown that Dal's ideas allow us to more clearly explore the main components of the traditional folk worldview. The concept of Dal also has a prognostic value up to the present time, since it formulates the principles of assimilation of new cultural phenomena by the people. Ignoring these principles in the thoughtless pursuit of external «progress» led to the catastrophes of the twentieth century, since it destroyed the traditional way of life of the people and its moral foundations. Russian people's worldview conceptualization by V. I. Dal is an important part of the history of Russian humanities and requires development in our time.

Keywords: Vladimir Ivanovich Dahl, people, worldview, Orthodoxy, culture.

Authors Info: Darenskaya, Vera N. – Ph. D. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism of Vladimir Dal Luhansk State University (Luhansk, Russian Federation), E-mail: vera_darenskaya@mail.ru

For citation: Darenskaya, V. N. 2024. Vladimir Ivanovich Dal – the discoverer of folk culture in the era of Nicholas I. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 38: 40–54

